

Ю. А. Лихтер, содержащая наблюдение, важное для изучения Гнёздова. Авторы, исследуя стеклянные бусы, найденные в Гнёздове, ранее рассматривавшиеся как прибывшие на Верхний Днепр с юга, пришли к выводу, что эти изделия хотя и византийского производства, но пришли в Гнёздово через Балтику и являются скандинавским импортом. Данное наблюдение подкрепляет уже существующую точку зрения, что на Днепровском пути скандинавские вещи преобладали над южными. Путь «из варяг в греки» был оживленнее пути «из грек в варяги».

Важное значение имеет и открытие в Гнёздове погребальных камер — погребений в просторных ямах, обложенных деревом. По погребальному инвентарю они были датированы второй половиной X в., что подтверждено и уточнено дендрохронологической датой столбов из двух таких могил: 975 и 979 гг. Соглашаясь с археологами, которые считают этот обряд типичным для социальных верхов, следует не забывать о его бесспорно скандинавском характере (7, с. 190—205). Для Гнёздова рубежа третьей и четвертой четвертей X в. это обряд новый, принесенный туда примерно в это же время, хотя в Скандинавии он существовал еще в IX в. Носителями обряда погребения в камерах в данном случае были скандинавы, следовательно, в указанное время очевидна живая связь Гнёздова со Скандинавией. Это подтверждается и датами погребального инвентаря. Но следует заметить, что речь идет об определенном времени и указанной территории — Гнёздове, так как в другое время и в других местах камеры тоже известны и далеко не всегда в них погребены скандинавы.

Новые и новые волны скандинавов, проходившие через Гнёздово, оставили в нем многих своих соплеменников, похороненных, конечно, по обрядам своих предков, своей родины. Поэтому эволюция погребального обряда в Гнёздове зависела от его эволюции в Скандинавии. Как в начале, так и в конце X в. варианты погребальных обычаев в Гнёздове часто повторяются, но иногда все же появляются новые ритуалы. Таковы погребения в узких могильных ямах, таковы погребения в камерах, неизвестные в Гнёздове в начале функционирования кладбища и появляющиеся там лишь к концу X в.

Некоторые гнёздовские курганы изучались В. А. Булкиным. Он выбрал курганы с насыпями значительного объема, назвав их «большими». Начало существования гнёздовского кладбища В. А. Булкин отнес к середине IX в., суживая широкие даты некоторых вещевых категорий. Там, где можно указать лишь, что вещь бытовала в середине IX—X вв., разделить ее на IX и X вв. нельзя, но В. А. Булкин произвольно берет раннюю дату как основную, отчего нижняя дата Гнёздова неоправданно опускается, в результате чего период функционирования кладбища увеличивается до 150—200 лет. Исследователь считает, что в течение столь большого отрезка времени в погребальном обряде были возможны значительные изменения, а поэтому предлагает схему «эволюции больших гнёздовских курганов». При отборе курганов были указаны семь насыпей, но две из них сразу же отпали, так как о них «не удалось найти никаких сведений». Основная часть статьи Булкина посвящена разбору таких частных вопросов, как: в какую сторону обращена курганная перемычка, куда был повернут носом погребальный

корабль (часто примысленный), обжигалась ли поверхность земли перед сооружением кургана и другим, которые, по его мнению, позволяют сопоставить «большие» курганы с «малыми». Затем читателю предлагается вышеупомянутый эволюционный ряд «больших курганов», в котором все эти сопоставления не играют никакой роли.

Обратимся к выводам, сделанным Булкиным, и к его аргументации. Первое, что следует отметить, — число рассмотренных им насыпей слишком мало, чтобы строить какие бы то ни было эволюционные ряды: выборка недостаточна. Во-вторых, даты «больших» курганов не вытягиваются в хронологическую цепочку — середина IX в. — первая половина XI в. Напротив, они ложатся кучно, так как почти все эти курганы сооружены во второй половине X в. Столь короткий интервал не позволяет говорить об эволюции. В-третьих, поскольку рассматривается вопрос эволюции, то должны быть отсеяны курганы, в которых погребены проходившие через Гнёздово торговые люди, хоронившие соплеменников по своим, а не по местным обычаям. Эта задача чрезвычайно трудная, и Булкин ее даже не поставил. Для него Гнёздово — подобие плотно закрытого котла, в котором варилась этническая каша. Но выше уже отмечено, что подобной изолированности в Гнёздове не было. В результате вывод Булкина, что «ни один из вышеуказанных признаков, а равным образом и их сочетания, не могут быть признаны твердыми этническими индикаторами», глубоко ошибочен. Ведь речь идет о таких несомненно скандинавских чертах погребального обряда, как «сожжение в ладье, комплект скандинавских фибул, железные гривны с «молоточками Тора» и некоторых других (обкладка урны камнями, радиальные ровики)». По Булкину, обряд скандинавский по своему происхождению «теряет свою этническую нагрузку и приобретает совершенно новую — социальную». Подобное заключение невозможно хотя бы потому, что в Гнёздове был постоянный приток скандинавов, приносивших с собой обычаи своей родины. Кроме того, Булкин считает, что этнические процессы в Гнёздове привели к формированию «гнёздовской группы кривичей» (11, с. 144). Но становление этнических групп, — это уже в-четвертых, — охватывало значительную территорию и не может быть сведено к гнёздовской округе, как бы далеко она ни распространялась. Этнические процессы, протекавшие в Гнёздове, имели влияние на этнические процессы Верхнего Поднепровья не больше, чем единичный смешанный брак на этнический состав Гнёздова. Булкин ошибочно исходит из мелкого дробления большого этнического массива кривичей, среди которых не может быть «гнёздовской группы» — масштабы измерения слишком различны.

Можно добавить, что В. А. Булкин поселяет норманнов в Гнёздове «среди местного населения во второй половине IX — начале X в.» (11, с. 144). Чтобы так говорить, нужно располагать значительной группой курганов, датированных второй половиной IX в. Если даже признать ошибочные даты Булкина правильными, то по его же материалам этих курганов не будет больше трех-четырёх, что для решительных выводов недостаточно. Кроме того, выше уже отмечалось, что в настоящее время на Верхнем Днепре нельзя указать славянские памятники второй половины IX в., равно, конечно, как и норманские. В указанное время, то

есть до прихода славян, там жило балтское население, вероятно немногочисленное, и в Гнёздове, как увидим ниже, практически ничем себя не проявившее. Хронология Гнёздова, предложенная Булкиным, не находит своего подтверждения в материалах.

То, что лишь часть варягов жила в Гнёздове уже в X в. более или менее постоянно, можно предположить по находкам немногочисленных вещей — гибридов типа меча из кургана Ц-2, а также по найденным на городище обломкам литейных форм для изготовлений скорлуповидных фибул. На роль купцов, привозивших через Балтику в Гнёздово скандинавские вещи, а также византийские (ткани, монеты, корчаги, поливную керамику и пр.), больше некому претендовать, кроме варягов. Курганы, где найдены эти вещи, заключают скандинавские погребения. Гнёздово было «проходным двором», и может быть лишь небольшая часть варягов, пришедших туда, осела в поселке. При изучении данного вопроса значительная роль принадлежит исследованию купеческого инвентаря: морфологии, ареала и хронологии весов и весовых гирек, которые являются предметом исследования Т. А. Пушкиной, публикуемого в данном сборнике.

Погребальный обряд, которым так неосторожно оперирует Булкин, испытывает какие-то изменения во времени, но в данном случае для Гнёздова он достаточно постоянен. Например, погребение в ладье совершено в кургане начала X в. Л-13 и в кургане 16 (74) раскопок Сергеева, относящемся ко второй половине X в. В том же кургане Л-13 найден важный культовый предмет — железная гривна, такие же встречены и в курганах Серг.-14 (58), 7 (65) и др. Вонзенный в землю меч отмечен опять-таки в кургане Л-13, а также в кургане Серг.-18 (86) (вторая половина X в.). Из сказанного следует, что скандинавы были в Гнёздове как в начале X в., так и в его конце, а этнические признаки скандинавского погребального обряда не преобразовались в социальные, как это полагает Булкин.

В публикуемой в настоящей сборнике статье «Женские скандинавские погребения в Гнёздове» Ю. Э. Жарнов изучил погребальный обряд в гнёздовских курганах. Для исследования он отобрал лишь женские погребения, более выразительные с этнической стороны. Но мужчины и женщины одного и того же этноса все же различаются психологически, своей ролью в обществе и по многим другим критериям как в жизни, так и при совершении над ними погребального обряда, и это надо иметь в виду.

Куль и культовая обрядность — элементы идеологических представлений, которые практически не заимствовались. Скандинавские языческие амулеты из Гнёздова исследовала Г. Л. Новикова. Ей удалось вычленить ряд отделов этой категории, имеющих характер индикатора этноса. Несмотря на их длительное бытование, они оставались указателями скандинавского характера погребения.

Как показано было выше, В. А. Булкин полагает, что в начале существования Гнёздова его население было разноэтнично, а в конце, в результате «этнической консолидации» возникла единая «гнёздовская группа кривичей». Вопрос об этническом составе населения Гнёздова нуждается в комментариях. Остается господствующим мнение В. И. Си-

зова, что в гнёздовских курганах погребены кривичи и варяги. При этом, не вдаваясь в выяснение вопроса о том, кто такие были кривичи, будем, вслед за Е. А. Шмидтом, считать их славянизированными балтами. Однако статья этого исследователя (26), в которой он предположил, что в некоторых погребениях Гнёздова можно видеть следы балтского погребального обряда, вызывает возражения. Мне уже доводилось высказать несогласие с таким заключением (4, с. 152). Я тогда обратил внимание на то, что опрокинутые горшки в курганах Гнёздова не являются типично балтской чертой погребального обряда, поскольку сосуды в таком положении встречаются также и у других племен, например в погребениях славянской корчакской культуры. Теперь можно добавить, что в новых раскопках Гнёздова этот обряд в четырех случаях сопровождался возложенной на урну железной гривной то есть скандинавским обычаем. Опрокинутые урны встречаются и в Скандинавии, в Бирке. Ямки, которые наблюдались под кострищами некоторых гнёздовских курганов, были не столь уж малы: иногда это могильные ямы, опознанные нами несколько позднее. Погребения с конем встречаются не только у балтов, но и, например, у скандинавов в курганах Бирки. Трубочки для трута тоже встречаются в скандинавских могилах, а также в погребениях иных племен и этнической окраски не имеют.

Одно из описанных В. И. Сизовым погребений Е. А. Шмидт считает балтским. Сизов предположил, что зеленые окислы, найденные около мелких кальцинированных костей черепа, были височными кольцами или головным венчиком, и Шмидт с этим соглашается. Но это могли быть и остатки других украшений, например шейной гривны. Даже если следы бронзы происходили от височного кольца, то совсем не обязательно балтского типа. Бронзовая шпилька с эсвидным концом вряд ли балтское украшение; однако Сизов предполагает, что шпилька—это разогнувшееся под действием огня височное кольцо. Такое предположение сомнительно, но даже если это и так, то форма данного височного украшения не соответствует балтским. «Фрагмент треугольной бляшки с узором» действительно мог быть трапециевидной подвеской балтского типа, но это единственная вещь, которую весьма предположительно можно было бы связать с балтами. И уж совсем не следовало бы причислять к балтскому набору вещей бронзовую пуговицу и бусы «темного цвета» — они не имеют племенной специфики. Е. А. Шмидт опускает упоминание о найденном в этом же кургане умбоне — очень редкой находке, иногда встречающейся в гнёздовских погребениях скандинавов. Сизов неосторожно предлагает считать этот умбон заменителем сосуда для погребальных целей (21, с. 22). Отметим умозрительность этих рассуждений: до нас не дошли ни вещи, ни их рисунки.

Из-за нерасчлененности вещей по погребениям из раскопок Сизова невозможно проверить комплексы по музейным планшетам. Имея в виду, что умбон в Гнёздове — находка редкая, можно предположить, что Сизовым описан курган 19 из раскопок 1880 г., в котором была найдена аналогичная вещь. Но остальные вещи из этого захоронения не узнаются. Как бы то ни было, предполагать балтский характер этого погребения нельзя.

Также нет оснований думать, вслед за Шмидтом, о «неоднородности славянского населения Гнёздова» (26, с. 108), тем более что исследователь не объясняет, что он имеет в виду. Е. А. Шмидт, вероятно, прав, говоря, что «ассимиляция местного балтского населения началась еще до возникновения гнёздовских курганов X в., так что в них археологически прослеживаются только отзвуки этого интенсивного процесса, протекавшего накануне X в.» (29, с. 108). Тем самым исследователь против своих убеждений исключает IX в. из времени сооружения гнёздовских курганов, поскольку он пишет как раз о местном балтском населении. Это его оговорка обусловлена материалом. В своих других работах Шмидт относит начало функционирования гнёздовского кладбища именно к IX в., но говорит об этом столетии, как о периоде «до возникновения гнёздовских курганов».

Итак, балтских погребений в Гнёздове пока не обнаружено. На поселении, в основном на Центральном городище, найдено несколько предметов, аналогичных входящим в инвентари длинных курганов. Это — несколько трапециевидных и иных подвесок, одиночные синие 14-гранные бусы, на селище — два плоских височных кольца. Относительно того, каким образом попали в Гнёздово эти вещи и какова была там роль их носителей, можно лишь строить предположения.

Можно упомянуть еще погребение 14 из раскопок Кусцинского, где найдены бронзовые шумящие привески финского типа вместе с иранской бронзовой лампой в виде женской головы. Этот комплекс Сизов посчитал финским, его впоследствии поддержали Е. И. Горюнова и Е. А. Шмидт. Других финских погребений в Гнёздове не открыто.

Таким образом, по многочисленным славянским горшкам в курганах и аналогичным черепкам на поселении можно с полным основанием констатировать присутствие в Гнёздове славянского населения и по набору этноопределяющих признаков — скандинавского. Вопрос о балтах в Гнёздове остается открытым.

При определении даты ранних курганов Гнёздова обращаются, как правило, ко времени возведения кургана 15 из раскопок Кусцинского, в котором найден меч типа Е, вонзенный в землю, копьё с дамаскированным лезвием и нарезным орнаментом на втулке, тоже вонзенное в землю. Меч и копьё находились возле трех глиняных горшков — урн, на один из которых была надета тордированная в четырех местах железная гривна с двумя привесками — «молоточками Тора» и двумя «шайбочками». Шайбочки и молоточки в опубликованном журнале раскопок не указаны. Во втором горшке находилась «железная скобка». На музейном планшете это — «ледоходный» шип (по «Указателю Исторического музея» 1893 г. их числится два). В той же урне — пинцет, ножик, кусочек кости с резьбой (вероятно, обломок гребня), а также булавка с медной ручкой. Ее можно сопоставить с изображенной в труде Сизова железной булавкой. Может быть, это игла кольцевидной фибулы, бронзовая верхушка которой расплавилась. «Горшки стояли на камнях на твердой земле», между горшками лежали железные пружинные ножницы с колечком для подвешивания на закругленной части.

Высота этого кургана была определена в 4 аршина (285 см), окружность его основания — 36 аршин (26 м), что соответствует поперечнику 8,7 м. Видимо, здесь где-то ошибка: для насыпи высотой 4 аршина, поперечник в 8,7 м мал. В тех же раскопках курганы 13 и 14 имели такую же высоту при окружности основания в 43 аршина. Значит, их поперечник был 10 м. Видимо, произведенные М. Ф. Кусцинским промеры были приблизительными. В целом для трехметрового кургана вещей найдено мало. Видимо, они были фрагментированы и некоторые в коллекцию не попали. В описи 1893 г. среди вещей, находившихся в Музее, указана урна, но найти ее пока не удалось среди многих беспаспортных горшков из Гнёздова.

А. Н. Кирпичников, рассматривая оружие из этого кургана, делает заключение, что «это древнейшее известное ныне гнёздовское дружинное погребение» и оно, «по-видимому, совершено около 900 г.» (15, т. 1, с. 31; т. 2, с. 9).

Аргументация Кирпичникова такова. Мечи типа Е имеют рукояти, украшенные рядами ячеек. Кирпичников делит эти рукояти на две группы, в одной из них ячейки мелкие и количество их рядов достигает девяти, в другой — ячейки крупные и расположены они в 3—5 рядов, причем под ячейками имеются перекрещивающиеся ряды проволочных выкладок, которых нет в первой группе. Рукояти с крупными ячейками и проволочными выкладками, согласно Кирпичникову, — особенность мечей, сделанных на Западе, а рукояти с крупными ячейками, не имеющими проволочных выкладок, там неизвестны. По мнению исследователя, мечи с очень мелкими ячейками делались «еще около 900 г.», в то время как мечи с крупными и редкими ячейками «датируются зрелым X в.». Получающийся хронологический разрыв как бы подчеркивает отсутствие типологической преемственности.

В действительности такого разрыва нет. Курган Л-13, на дату которого опирался Кирпичников, оказался старше и датируется, по Пушкиной, вторым десятилетием X в. В этом кургане также найден меч с крупными ячейками. Следовательно, эта разновидность орнамента зародилась в начале X в. Разница в датах курганов Кусц-15 и Л-13 практически отсутствует. Кроме того, время возведения кургана Л-13 подкреплено находкой там дирхемов, дата же комплекса Кусц-15 интуитивна.

Несмотря на различие в орнаментации рукоятей, все эти мечи, найденные в Восточной Европе, Кирпичников совершенно правильно относит к одному типу Е, который он датирует X в.

А. Н. Кирпичников подробно рассмотрел и копьё из кургана 15 раскопок Кусцинского. Оно тоже особое, встречающееся в Западной Европе крайне редко. Это копьё ланцетовидное, длинное (52 см), лезвие дамаскированное, тулья украшена «готическим» орнаментом в виде параллельных бороздок. Кирпичников отмечает, что такие же копьё, но без дамаскирования, известны в Древней Руси в X в., а это, дамаскированное, единственное и ранее. Но Э. Кивикоски не придает дамаскированию решающего значения как признака датировки и отмечает, что такой тип встречается и в X в. (30, Taf. 98, N. 853. S. 115). Не вполне ясно, имеет ли дамаскирование копьё из могильника Луистари, найден-

ное уже после выхода в свет книги Кирпичникова. Вместе с копьём найден дирхем 926—927 гг. (16, с. 82—83).

На одной урне кургана Кусц.-15, как отмечено выше, найдена железная гривна. Подобный обряд в Гнёздове связан с круговыми сосудами, и лишь в 1970 г. найдена урна, только подправленная на гончарном круге. Так как в Гнёздове гончарный круг появляется в 920—930 гг., то находка такого горшка позволила бы датировать указанное погребение X в.

Таким образом, нет твердых данных для датирования кургана Кусц.-15 IX веком. Имея в виду неполноту этого комплекса, широкий диапазон датировки копья, данному погребению нельзя придавать столь важного значения, чтобы датировать по нему начало Гнёздова. Это же относится и к некоторым другим гнёздовским курганам, на которые все-таки иногда еще ссылаются как на могилы IX в. и которые не имеют даже таких шатких обоснований для столь важной даты (Л-35, 38, 47). Их нельзя относить к более раннему времени, чем начало X в.

Самым поздним из раскопанных в Гнёздове курганов сейчас, пожалуй, является Л-124, в котором найдена западноевропейская монета Болдуина IV (989—1036) (Фландрия). Следовательно, гнёздовское курганное кладбище функционировало не более ста лет: с начала X по начало XI в.

Изучение всех частей гнёздовского курганного комплекса крайне важно. Поэтому такое большое значение приобретает подробная публикация полученных материалов. К сожалению или, может быть, к счастью, многие курганы для раскопок недоступны, будучи покрыты лесом или находясь в иных неудобных урочищах. Исключение представляла собой почти непопанная курганная группа на правом берегу р. Ольшанки. Число насыпей в ней неуклонно уменьшалось в силу природных причин. Поэтому группа раскопана полностью и результаты раскопок публикуются в настоящем сборнике в статье Е. В. Каменецкой.

Из насущных задач исследования Гнёздова следует указать на неотложность дальнейших раскопок поселения, занимающего площадь в 17 га. Эти работы пока лишь начаты. В таком же положении оказывается и Днепровская Левобережная группа, курганы которой всё больше размываются Днепром. Там раскопан только один курган, давший интересный комплекс. Следует также продолжить поиски культурного слоя, показанного аэрофотосъемкой в урочище, называвшимся в отчетах Сергеева «Мещанскими лугами».

Гнёздовский археологический комплекс разрушается. В 1975 г. были снесены строителями автодороги последние курганы Ольшанской группы, где из 144 насыпей Смоленская экспедиция успела раскопать только 30. Конечно, среди раскопанных были столь важные насыпи, как курганы № 1 и 30, но мы лишены возможности изучить всю группу с той полнотой, как Правобережную Ольшанскую.

Для изучения Гнёздова большое значение имеют раскопки не только на территории археологического комплекса, но и в его ближайших и дальних окрестностях. Это особенно важно в связи с угрозой, нависшей над археологическими памятниками Смоленской земли, отражаю-

щей неудовлетворительное, чтобы не сказать больше, состояние археологических памятников и их охраны в нашей стране.

Примечания

1. Авдусин Д. А. К. вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии//Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967.
2. Авдусин Д. А. О Гнёздове и Смоленске//Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1979. № 4.
3. Авдусин Д. А. Смоленская ротонда//Историко-археологический сборник. М., 1962.
4. Авдусин Д. А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу//СС. Вып. XX. Таллинн, 1975.
5. Авдусин Д. А., Мельникова Е. А. Смоленские грамоты на берёсте (из раскопок 1952—1968 гг.)//Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1984 г. М., 1985.
6. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции//Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1982. № 1.
7. Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова//История и культура древнерусского города. М., 1989.
8. Арциховский А. В. Основные вопросы археологии Москвы//МИА. № 7. М.; Л., 1947.
9. Асташова Н. И. Постройки древнего Смоленска//Проблемы истории СССР. Вып. VIII. М., 1979.
10. Асташова Н. И., Пушкина Т. А., Розанова Л. С. Сравнительный анализ технологии железообработки Гнёздова и Смоленска: (К проблеме возникновения города)//Археология и история Пскова и Псковской земли: Краткие тезисы научно-практической конференции. Псков, 1985.
11. Булкин В. А. Большие курганы Гнёздовского могильника//СС. Вып. XX. Таллинн, 1975.
12. Веллесте Л. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений//КСИИМК. Вып. 42. М., 1952.
13. Даркевич В. П. Гемма из Смоленска//КСИА. Вып. 104. М., 1965.
14. Банк А. В. Прикладное искусство Византии X—XII вв. М., 1978. С. 32—33.
15. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Т. 1—2. М.; Л., 1966.
16. Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов//Финно-угры и славяне. Л., 1979.
17. Марков А. Топография кладов восточного серебра. М., 1910.
18. Неклюдов М. П., Писарев С. П. О раскопках в Смоленске. Смоленск, 1901.
19. Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894.
20. Саложников Н. В. О разведке на территории Смоленска//АО. 1980 г. М., 1981.
21. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска//МАР. № 28. Спб., 1902.
22. Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905.
23. Спицын В. И., Арциховский А. В., Глазунов М. И., Корчагов П. Н., Щапова Ю. Л. Исследование образцов грунта новгородских археологических раскопок радиоактивным методом//СА. 1962. № 4.
24. Тимошук Б. А. Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990.
25. Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. II. М.: Московский рабочий, 1983.
26. Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнёздова//СА. 1970. № 3.
27. Янин В. Л. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057)//КСИИМК. Вып. 55. М., 1954.
28. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970.
29. Янин В. Л., Рыбина Е. А. Открытие древнего Новгорода//Путешествия в древность. М., 1983.
30. Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. N 853. S. 115.